

А. Д. Васильев
Красноярск, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ХОЛОДНАЯ ВОЙНА* В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

АННОТАЦИЯ. Современная политическая риторика рассматривается как пример вербальной магии, существующей в двух ипостасях — эфемизации и табуирования. Оба эти феномена тесно взаимосвязаны и основываются одновременно и на свойствах слова как единицы языка, и на глубокой вере в его могущество, способность трансформировать как внутреннюю, психическую сущность человека, так и окружающую его реальную действительность. Соответствующие представления, воплощенные в фольклоре, проявляются в уверенности многих политических деятелей в том, что для радикальной трансформации любой реалии достаточно лишь переименовать ее. Те же самые постулаты вербальной магии предписывают табуирование некоторых лексико-фразеологических единиц: отсутствие их упоминания будто бы исключает саму возможность существования опасности, неприятностей. Вербально-магические манипулятивные приемы рассматриваются на примере устойчивого словосочетания сферы международных отношений «холодная война». Анализируются изменения дефиниции выражения «холодная война» в постсоветской лексикографии: из определения исключается упоминание об антисоветской (антисоциалистической) специфике феномена; не сообщается, кто был инициатором разнообразных акций в рамках этого периода; пометы относят это словосочетание к разряду историзмов, а само обозначаемое им явление описывается как ушедшее в прошлое вместе с другими реалиями советской эпохи. На примере выступлений российских и западных политиков демонстрируется аналогичное отнесение феномена «холодной войны» к прошлому и опасение употребить соответствующее слово-детонатор применительно к актуальной международной ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; вербальная магия; «холодная война».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск); 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; e-mail: vasileva@kspu.ru.

То, что не названо, — не существует.
К сожалению, всё было названо.
В. В. Набоков

Хорошо известно, что вербальная магия обычно воплощается в двух ипостасях: табуировании и эфемизации. Оба эти феномена взаимно связаны и основываются одновременно и на свойствах слова как единицы языка, и на глубокой (по большей части оправданной) извечной вере в его могущество, способность трансформировать как внутреннюю, психическую сущность человека, так и окружающую его реальную действительность, обладающую физически вполне измеримыми параметрами, ср. пословицы: «язык горами движет» — «язык царствами ворочает» [Даль 1984, 1: 317]. Во многих мифах и легендах упоминается об изначальной ключевой роли Слова в сотворении мира, например: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет <...>. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды <...>. И стало так <...>. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так <...>. И сказал Бог: да произрастит земля зелень <...>. И стало так» — и т. д. [Быт. 1: 3—11]. — «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё чрез него начало быть <...>» [Ин. 1: 1—4]. И во многих других космогонических мифах творение всего сущего происходит отнюдь не из «ничего», но путем словесного называния предметов, поскольку оно есть некая духовная эманация божества [Топоров 1988: 8].

И в фольклоре совершение чудес зачастую также происходит как результат некоего высказывания, вроде «по щучьему велению, по моему хотению».

Несомненно, интересно, что «неслучайно слав. *věkь (чеш. věc, рус. — цслав. вещь этимологизируется как и.-е. *ǵektos/ *uktos 'сказанное, изреченное' (вещь — это 'то, что можно назвать')), подразумевается в оппозиции то, чего нельзя назвать, неизреченное, т. е., видимо, высшие понятия» [Трубачёв 1988: 10]. Следовательно, существует лишь то, что способно быть именованным: *имя как бы документирует, утверждает в реальности что или кого бы то ни было.*

В свою очередь, не имеющее названия исключается из объектов действительности.

В фантастическом рассказе некий инопланетный пришелец, представляющий собою совокупность движущихся атомов, а потому не имеющий строгих внешних очертаний, более всего опасается быть хоть как-то вербально отмеченным, ибо в этом случае он рискует получить (и получает, в конце концов) навсегда четкий и определенный облик [Брэдбери 1983: 305—308], что оказывается для него совершенно губительным.

С другой стороны, точное название позволяет безошибочно понять глубинную сущность его носителя, ср. хрестоматийное: «Ужель загадку разрешила? Ужели слово найдено?» [Пушкин 1978, V: 130].

Вероятно, отсюда проистекает наивно-трогательная уверенность многих в том, что для радикальной трансформации любой реалии достаточно лишь переименовать ее. Свое крайнее выражение подобный подход получил в недавнем вербально-магическом превращении российской милиции в полицию. Конечно, чуда не произошло, и ведомство осталось собственно таким же, каким было ранее (подробнее об этом словотворческом акте и сопровождавших его реакциях якобы общественного мнения, граничивших с откровенным идиотизмом, см.: [Васильев 2013: 568—574; Васильев 2014: 179—191]). Вообще такие псевдолингвистические фокусы руководящих речедеятелей перестроечно-реформаторского периода обрели чрезвычайно устойчивый и интенсивно-массированный характер, поскольку неприглядные «инновации» пока еще (а особенно в директивно оживленные предвыборные периоды) нуждаются в словесной маскировке, дабы та часть населения страны, которую снисходительно-ласково именуют электоратом, продолжала, несмотря даже на собственный печальный опыт ежедневного выживания, пребывать в приятном убеждении, что «всё хорошо, прекрасная маркиза» (см.: [Васильев 2010; Васильев 2013: 543—575; Васильев 2014: 191—219]).

Те же самые постулаты вербальной магии предписывают табуирование некоторых лексико-фразеологических единиц: отсутствие их упоминания будто бы исключает саму возможность существования опасности, неприятностей и проч. («чёрта к ночи не поминай», «не буди лихо, пока оно тихо» и т. п.). Так, в детективном эпизоде вербовки американским агентом выпускника советского военного училища психологически (и даже, может быть, — лингвопсихологически) точно первый из них, пресекая почти высказанную догадку второго о том, к чему ведет их беседа, не дает ему произнести слово *предательство*, *шпионаж*: «Есть слова, которые не следует произносить вслух! Можно думать, предполагать, но внутри себя <...>. Слово задуманное — это одно, а произнесенное — совсем другое! Оно меняет действительность, меняет судьбы людей, меняет политику, меняет международные отношения...» [Корецкий 2008: 54—55].

Если обратиться к речес коммуникативным актам последней из упомянутых областей общения, то есть именно к сфере международных отношений, то можно обнаружить немало примеров того, как вербально-магические манипулятивные приемы фигурируют в речах политиков. Скажем, в выступлениях ряда ораторов на пленарном заседании

Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 г., в том числе В. В. Путина, неоднократно прозвучало устойчивое словосочетание *холодная война*.

Обратимся прежде всего к его истории, семантике, ассоциативной ауре и комментариям специалистов по этому поводу.

Возникновение словосочетания *холодная война* (англ. *Cold war*) связывают с выступлением американского политика и бизнесмена Б. Баруха в законодательном собрании Южной Каролины 16 апреля 1947 г. — впрочем, по инициативе его помощника, публициста Х. Соупа. Но широкую известность и собственно устойчивый характер этот оборот приобрел благодаря статьям обозревателя У. Липпманна в газете «Нью-Йорк трибьюн», которые в ноябре того же года были опубликованы отдельным изданием под заглавием «Холодная война. О внешней политике США» [Душенко 2006: 38].

В отечественной лексикографии словосочетание определялось как фразеологическое: «*холодная война* — враждебный политический курс, который правительства западных держав стали проводить в отношении Советского Союза и других социалистических государств по окончании второй мировой войны» [МАС 1984, IV: 617]; оно было отмечено и как термин (например, в [СЭС 1983: 1450], где заключено в кавычки).

Полагают, что «последние полвека главным фоном общественной жизни была мировая *холодная война* <...>. Сам по себе тот факт, что множество людей „не замечали“ войны, есть результат эффективного психологического воздействия и признак ненормального состояния общества (частично это было вызвано тем, что советская печать искажала образ холодной войны, многократно занижала опасность. Почти полностью повторялась история с советско-германскими отношениями перед „горячей“ войной) <...>. Реально мы даже не верили в существование *холодной войны* — считали ее пропагандой» [Кара-Мурза 2002: 334—335, 339]. Однако «в *холодной войне* СССР потерпел поражение, в результате чего был ликвидирован сложившийся вокруг СССР блок государств, затем был распущен сам Советский Союз. Следующим шагом был ликвидирован существовавший в СССР общественный строй и политическая система и начата форсированная деиндустриализация» [Кара-Мурза 2002: 335], плоды которой большинство «уважаемых россиян» пожинает сегодня и последствия которой будут сказываться на них наверняка еще не одно десятилетие.

Довольно объяснимо, что в послесоветской лексикографии дефиниция словосоче-

тания *холодная война* существенно изменилась: «*холодная война (в советское время)*: враждебные отношения между государствами, длительное политическое противостояние, сопровождающееся идеологической пропагандой друг против друга, ослаблением экономического и культурного сотрудничества» [ТССРЯ 2001: 150]. Легко заметить, что, во-первых, в соответствии с возобладовавшей тогда тенденцией к так называемой «деидеологизации» (а на самом деле — к реидеологизации; см. об этом: [Васильев 2013: 133—154]), из определения исключено упоминание об антисоветской (антисоциалистической) специфике феномена. Во-вторых, не говорится о том, кто именно был инициатором *разнообразных операций* в рамках *холодной войны*. Наконец, помета «в советск. время», по существу, относит это словосочетание к разряду историзмов, а само обозначаемое явление характеризует как безвозвратно канувшее в Лету вместе со всем комплексом реалий советской эпохи.

Однако многие данные свидетельствуют о том, что по крайней мере последнее положение вряд ли соответствует действительности. Так, по результатам изысканий, принятых Д. А. Васильевым, в зарубежной политической коммуникации, и далеко не в последнюю очередь американской, словосочетание *холодная война* продолжает быть употребительным, причем далеко не всегда будучи относимым именно к событиям прошлого. Некоторые примеры: «Внешнеполитические разногласия между Москвой и Вашингтоном подогреваются взаимными пропагандистскими выпадами, многие из которых имеют тональность *холодной войны*» [Стуруа 2012]. — «Газета [«Минчу Чосон» — правительственная газета КНДР] также подчеркнула, что США следует отказаться „от опасной политики времен „*холодной войны*“» [Сидоров 2012] и др.

Вернемся теперь к материалам пленарного заседания Петербургского международного экономического форума.

Ведущий (а на сегодняшнем русском — «модератор») этого мероприятия, итальянский журналист Ф. Закария, обращается к В. Путину с «очень простым вопросом»: «С 2014 года введены санкции со стороны Евросоюза и Соединенных Штатов [в отношении России]. НАТО на этой неделе объявила о том, что будет наращивать присутствие в тех странах, которые граничат с Россией. Россия сделала объявление о наращивании своих сил. Приходим ли мы к некоей *«холодной войне»* более низкого уровня между Западом и Россией?»

Весьма пространственный ответ В. Путина начинается с пассажа, который (предположительно) должен задать тон следующим тезисам президента: «*Мне не хотелось бы так думать*, что мы переходим к какой-то *«холодной войне»*, и уверен, что этого никто не хочет. *Мы точно этого не хотим*. В этом нет никакой необходимости. Главная *логика развития международных отношений, какой бы она внешне ни смотрелась драматичной*, она всё-таки *не является логикой глобальной конфронтации...*» (выделения полужирным шрифтом здесь и далее наши. — А. В.).

Однако перечисленные президентом далее ключевые моменты, определившие и определяющие сегодняшнюю международную ситуацию, характеризуют ее вовсе не благостно. Это прежде всего обманутые ожидания «всеобщего благоденствия и атмосферы всеобщего доверия», возникшие после крушения Советского Союза. Но на практике действия западных партнеров оказались явно враждебными, что проявилось в активной поддержке сепаратистов и международных террористов на российском Кавказе; в расширении инфраструктуры НАТО и продвижении ее к нашим границам; в одностороннем выходе США из Договора по противоракетной обороне; в поддержке Западом «цветных революций», в том числе так называемой «арабской весны»; в поощрении государственного переворота на Украине; в эскалации околоспортивной якобы антидопинговой кампании; и, конечно, во введении против России экономических санкций.

По-видимому, наличие совокупности перечисленных мероприятий позволяет говорить о несомненно имеющем место недоброжелательном отношении к России, статус которой в мире пытаются либо существенно принизить, либо хотя бы доставить ей максимум негативных ощущений.

На этом малорадостном для нашей страны фоне российский президент допускает по меньшей мере два варианта дальнейшего развития событий. Первый соответствует западной «политике односторонних действий <...>. Если будем в такой логике дальше действовать, нагнетать и наращивать усилия, чтобы пугать друг друга, то тогда *когда-нибудь и придём* к „*холодной войне*“. Второй вариант предлагается Россией: «...если мы будем прислушиваться друг к другу, искать баланс интересов, то этого [*«холодной войны»*] не будет. Да, это сложный процесс — процесс договоренностей, но только он может привести к поиску приемлемых решений <...>. У нас совер-

шенно другая логика, она направлена на сотрудничество и поиск компромиссов».

Заметим, что словосочетание *холодная война* фигурирует и в выступлении еще одного участника заседания, председателя совета министров Италии М. Ренци. Отвечая на вопрос ведущего, он, в частности, сказал: «Нам необходимо иметь в виду, что словосочетание „холодная война“ **не может входить в лексику третьего тысячелетия**. Поэтому если словосочетание „холодная война“ используется сегодня, **оно вне истории, оно вне реальности, и оно не только несправедливо, оно бесполезно**». По всей вероятности, негативно окрашенное упоминание о *холодной войне* в данном случае представляет собою ординарный дипломатический ход: продемонстрировать собственную высокую оценку реплики партнера и выразить свое согласие с его мнением.

Вероятно, следует учитывать очевидное наличие в западной политике (а также и в западной ментальности) некоторых константных стереотипов. Одно из первых мест среди них несомненно принадлежит русофобии. Враждебное отношение к России и основной части ее населения, как бы эта страна ни называлась и какой бы государственный строй ни существовал в ней, — неизменная и определяющая черта западного мышления.

Холодная война — лишь одна из возможных, но четко эксплицированных форм ее воплощения. «Никакой связи с марксизмом, коммунизмом или другими идеологическими моментами здесь нет. Это именно война, причем война тотальная, против мирного населения» [Кара-Мурза 2002: 336] (см. также: [Васильев 2013: 219—230]).

Неудивительно, что зарубежные политики нередко даже не могут точно воспроизвести название государства, против которого так ожесточенно выступают. Например: «Некоторое время назад [М. Ромни] назвал Россию „геополитическим противником номер один“. Это позволило противникам Ромни говорить о том, что он мыслит „стандартами *холодной войны*“ <...>. Один из его советников — бывший министр ВМС США Джон Леман — оговорился, спутав Россию с СССР: „Мы видим, как Советы исследуют Арктику, а мы сидим сложа руки“» [Зеленин 2012].

Интересно, что и некоторые американские политики иногда на словах вроде бы тоже дистанцируются от *холодной войны*, не признавая ее существования в послесоветской современности. Тот же М. Ромни заявил: «Россия последовательно препятствует

действиям США в ООН. Конечно, **мы не враги и не воюем друг с другом**. Это не „холодная война“, но [!] **Россия является нашим геополитическим противником**» [Бекренев 2012]. Таким образом, можно даже усмотреть кое-что общее в публичном вербальном поведении представителей противостоящих сторон, именуемых также «партнерами»: и те, и другие не только не признают наличия ситуации *холодной войны*, но и акцентируют архаичность самого этого словосочетания. А ведь, учитывая, что «сам пафос *холодной войны* имел мессианский, эсхатологический характер» [Кара-Мурза 2002: 337], трудно согласиться с Ф. Фукуямой в том, что с ликвидацией СССР наступил «конец истории»: ведь Россия, пусть даже в сегодняшнем своем виде, всё еще существует. Так что, как бы ни назывался направленный против нее комплекс политических, пропагандистских, экономических и иных операций, он представляет собой лишь современную модификацию *холодной войны*.

И всё же не оставляет ощущение некоторого диссонанса, присутствующего в высказываниях президента по поводу пусть и потенциальной, но всё же *холодной войны*. Ведь, с одной стороны, он наверняка не настолько наивен, чтобы не замечать посвоему последовательных недружественных по отношению к России шагов Запада: об этом говорит их краткое перечисление В. Путиным. С другой стороны, ему **«не хотелось бы думать»** о переходе к *холодной войне*, хотя он и допускает такую возможность как результат действий зарубежных «партнеров». Можно, конечно, сколько угодно говорить об отсутствии «глобальной конфронтации», но существует ли более адекватное именование того, что происходит на международной арене — большой вопрос. По-видимому, публичное признание того, что *холодная война* продолжается, способно повлечь за собой новый всплеск антироссийской пропагандистской истерии и, как обычно, дать повод оппонентам к обвинению России буквально в чем угодно. В общем, «о волке помолвка, а волк и тут» [Даль 1984, 1: 349]. Как видим, и в политическом дискурсе явно присутствует опасение «сглазить» ход развития событий в результате употребления некоего слова-детонатора, что вполне согласуется с постулатами вербальной магии. Ведь «злое, неосторожно сказанное в сердцах слово, хотя бы без всякого желанья, чтоб оно сбылось, по народному поверью, никогда не остается без худых последствий» [Афанасьев 1998: 354].

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Живая вода и вешее слово // Живая вода и вешее слово / А. Н. Афанасьев. — М., 1998. С. 314—354.
2. Бекренев А. Митт Ромни вновь назвал Россию геополитическим противником США. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/451244.html>.
3. Брэдбери Р. Песочный человек // Холодный ветер, теплый ветер / Р. Брэдбери. — М., 1983. С. 303—315.
4. Васильев А. Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. 2010. № 1. С. 150—161.
5. Васильев А. Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб., 2013. 660 с.
6. Васильев А. Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. — М., 2014. 240 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М., 1984. Т. 1. 383 с.
8. Душенко К. В. Словарь современных цитат. — М., 2006. 832 с.
9. Зеленин О. URL: <http://www.itar-tass.com/c12/406300.html>.
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2002. 832 с.
11. Корецкий Д. А. Рок-н-ролл под Кремлём. Шпион из прошлого. — М., 2009. 344 с.
12. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 17.06.2016. URL: <http://kremlir.ru/events/president/news/52178>.
13. Словарь русского языка = МАС : в 4 т. — М., 1981—1984.
14. Советский энциклопедический словарь = СЭС. — М., 1983. 1600 с.
15. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч. В 10 т. / А. С. Пушкин. — Л., 1987. Т. 5. С. 5—164.
16. Стуря М. Короткое замыкание. URL: <http://www.itar-tass.com/c43/428065.html>.
17. Топоров В. Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. — М., 1988. Т. 2. С. 6—9.
18. Трубочёв О. Н. Этимология и славянская пракультура // Всесоюзная конференция «Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры». — Л., 1988. С. 9—10.

A. D. Vasiljev
Krasnoyarsk, Russia

IDIOM COLD WAR IN CONTEMPORARY POLITICAL RHETORIC

ABSTRACT. *Contemporary political rhetoric is an example of verbal magic that exists in two forms – euphemization and taboo. Both phenomena are closely connected with each other and are based on the properties of a word as a language unit and on the belief in its might, the ability to transform both inner psychological quality of a person and the surrounding him reality. The existing ideas, embodied in the folklore, manifest themselves in the confidence of many politicians in the fact that for serious transformation of any realia it is enough to rename it. The same postulates of the verbal magic dictate to mark some lexical and phraseological units as taboo: as if the absence of reference to them eliminates any danger and troubles caused by their existence. Verbal and magic manipulative techniques are discussed on the example of the set expression of the sphere of international relations “Cold War”. The changes of the definition of the expression “Cold War” in the post-Soviet lexicography are analyzed: the anti-Soviet (anti-socialistic) character of the phenomenon is excluded from the definition; there is no information who initiated different efforts in that period; this set expression is marked as a historicism, while the concept it describes, is treated as the past phenomenon belonging to the Soviet epoch. The similar reference of the phenomenon of “Cold War” to the past is proved in the course of analysis of the speeches of the Russian and Western politicians; the reluctance to use this expression in reference to the current international situation is noted.*

KEYWORDS: *political discourse; the verbal magic; the Cold War.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vasiljev Aleksandr Dmitrievich, Professor of Department of General Linguistics, Doctor of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Afanas'ev A. N. Zhivaya voda i veshchee slovo // Zhivaya voda i veshchee slovo / A. N. Afanas'ev. — M., 1998. S. 314—354.
2. Bekrenov A. Mitt Romni vnov' nazval Rossiya geopoliticheskim protivnikom SSHA. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/451244.html>.
3. Bredberi R. Pesochnyy chelovek // Kholodnyy veter, teplyy veter / R. Bredberi. — M., 1983. S. 303—315.
4. Vasil'ev A. D. Manipulyativnaya evfemizatsiya kak atribut diskursa SMI // Vestn. KGPU im. V. P. Astaf'eva. 2010. № 1. S. 150—161.
5. Vasil'ev A. D. Iгры v slova. Manipulyativnye operatsii v tekstakh SMI. — Spb., 2013. 660 s.
6. Vasil'ev A. D. Sovremennoe mifotvorchestvo i rossiyskaya televizionnaya slovesnost'. — M., 2014. 240 s.
7. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. — M., 1984. T. 1. 383 s.
8. Dushenko K. V. Slovar' sovremennykh tsitat. — M., 2006. 832 s.
9. Zelenin O. URL: <http://www.itar-tass.com/c12/406300.html>.
10. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M., 2002. 832 s.
11. Koretskiy D. A. Rok-n-roll pod Kremlem. Shpion iz proshlogo. — M., 2009. 344 s.
12. Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma 17.06.2016. URL: <http://kremlir.ru/events/president/news/52178>.
13. Slovar' russkogo yazyka = MAS : v 4 t. — M., 1981—1984.
14. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar' = SES. — M., 1983. 1600 s.
15. Pushkin A. S. Evgeniy Onegin // Poln. sobr. soch. V 10 t. / A. S. Pushkin. — L., 1987. T. 5. S. 5—164.
16. Sturua M. Korotkoe zamykanie. URL: <http://www.itar-tass.com/c43/428065.html>.
17. Toporov V. N. Kosmogonicheskie mify // Mify narodov mira. — M., 1988. T. 2. S. 6—9.
18. Trubachev O. N. Etimologiya i slavyanskaya prakul'tura // Vsesoyuznaya konferentsiya «Metodologiya i metodika istoriko-slovarnykh issledovaniy, istoricheskoe izuchenie slavyanskikh yazykov, slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury». — L., 1988. S. 9—10.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.